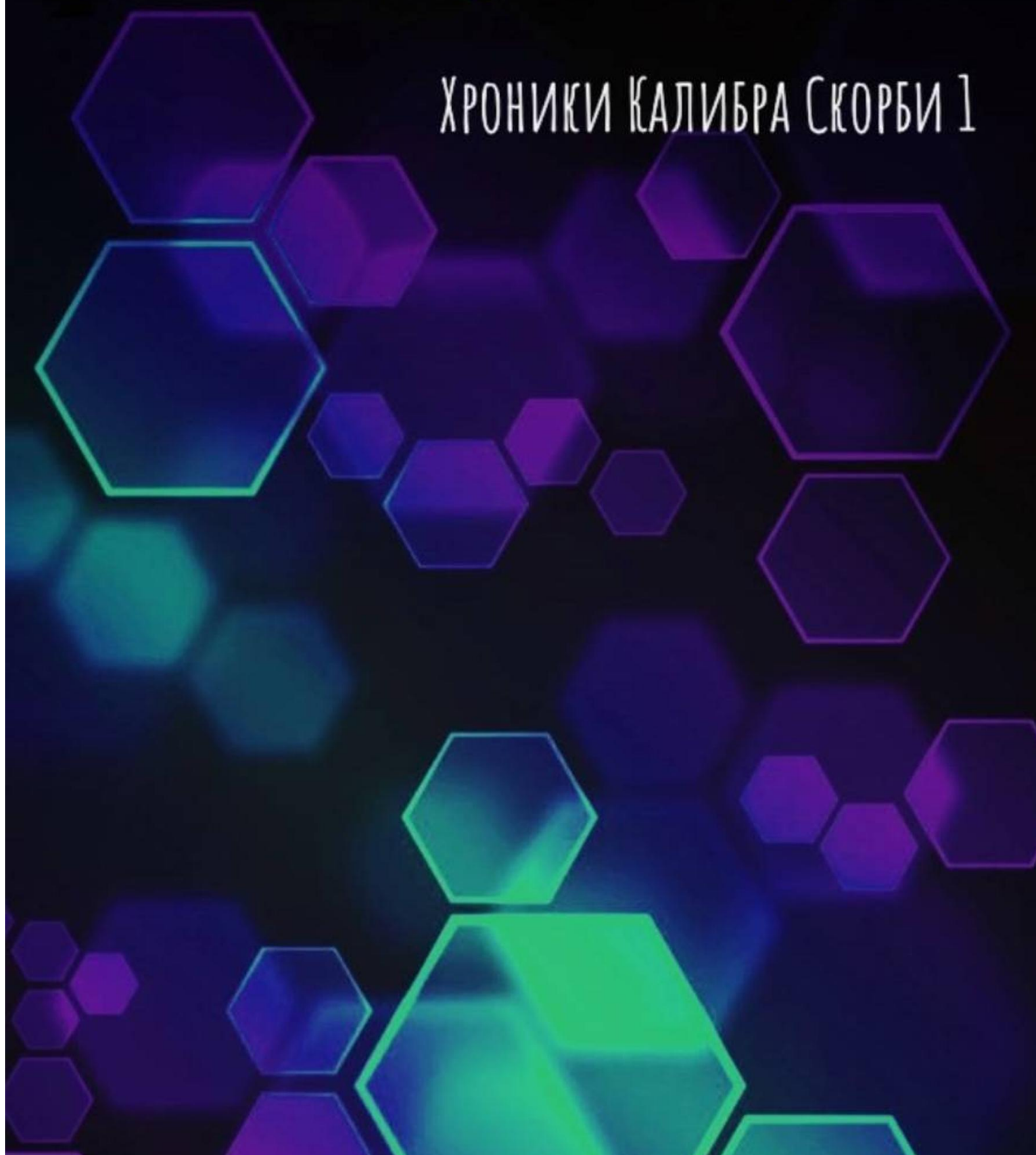

Линь Вэй

Инкубатор

Хроники Калибра Скорби 1

Хроники Калибра Скорби

Линь Вэй
Инкубатор

«Автор»

2026

Вэй Л.

Инкубатор / Л. Вэй — «Автор», 2026 — (Хроники Калибра Скорби)

За двенадцать лет до событий романа «Призрачная боль». Сектор 78. Спутник газового гиганта. Гравиметрическая аномалия привела разведгруппу Службы космической безопасности в огромную полость под поверхностью мёртвого мира. Там они нашли Инкубатор — хранилище тысяч прозрачных ячеек, в каждой из которых пульсировала неведомая жизнь. Так начался проект «Калибр». Группа учёных под руководством Аркадия Петрова получила в своё распоряжение образцы неизвестной природы. Перед ними стояла задача: понять чуждый разум, найти способ защиты — и изучить. Но наука не Приквел к роману «Призрачная боль». История о том, с чего всё началось. О тех, кто заплатил первую цену. И о том, что осталось ждать под поверхностью спутника.

© Вэй Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Сектор 78. Инкубатор	5
Интерлюдия. Совет	8
Глава 1. Калибр-1	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Инкубатор

Сектор 78. Инкубатор

Разведывательный корабль СКБ «Гром» висел на орбите спутника газового гиганта уже третьи сутки. Спутник был мёртв — безжизненный каменный шар, иссечённый метеоритами, с температурой на поверхности минус сто восемьдесят. Стандартная цель для геологоразведки: по данным спектрографов, в его коре залегали редкоземельные металлы, которых Службе Космической Безопасности вечно не хватало для строительства новых станций.

Гравиметры показали аномалию — в таких мирах иногда встречаются полости — следы древней вулканической активности или выхода метана. При исследовании навигационные буры упёрлись в нечто твёрдое на глубине двухсот метров, а потом провалились в пустоту.

— Это не карстовая полость, — капитан разведгруппы Андрей Ветров вглядывался в голографическую проекцию, мерцающую над столом в рубке. — Слишком правильная полусфера. Диаметр — триста метров. Идеально ровная.

— Что-то твёрдое? — переспросил биолог группы, Илья Рокотов, мужчина со взъерошенными волосами и живым, увлечённым взглядом. — Порода?

— Нет. — Ветров покачал головой. — Анализатор показал композит. Неорганический. Неизвестный. Мы бурили обшивку, Илья. Кто-то запечатал эту полость очень давно.

Космос давно перестал быть чудом и стал работой: стандартные бурения, стандартные отчёты, стандартные шутки в столовой. Единственное, что находили до сих пор, — камень, лёд, иногда гейзеры или вулканы. Поэтому через час группа уже спускалась в пробитую шахту посмотреть лично — не гонять же дрон из-за этого.

Четверо: Ветров, Рокотов, техник-связист Сергей Дубко и молодой геолог Настя Ковальчук. Под прозрачным забралом скафандра было видно, как она сосредоточенно сжала губы.

— Мы внутри, — голос Ветрова в наушниках звучал ровно, но пальцы, сжимавшие бластер, побелели. — Тоннель заканчивается. Впереди — проём.

Они вышли в зал.

Свет фонарей утонул в огромном пространстве. В наушниках повисло молчание — даже дыхание стало тише, пока они осматривались. Лучи заметались, выхватывая из темноты детали, которые не хотели складываться в понятную картину. Не было как таковых стен или потолка. Пол был покрыт тонкой, почти незаметной паутиной линий, складывающихся в сложный гармоничный узор.

А по всей сферической поверхности тянулись соты.

— Ох ты ж... — выдохнул Дубко.

Они занимали всё пространство: множество прозрачных шестиугольных ячеек, плотно прижатых друг к другу, образующих гигантский узор, вероятно смыкающийся где-то наверху. Будто почувствовав их присутствие, соты начали загораться одни за другими.

Сначала у самого входа, потом чуть дальше, ещё и ещё. Волна света побежала по стенам во все стороны, заливая пространство алым, синим, зелёным. В одних ячейках медленно вращались светящиеся изнутри кристаллы, похожие на застывшие звёзды. В других клубился туман, по которому пробегали голубые искры. В третьих перекачивалась тяжёлая, как ртуть, капля, похожая на жидкий металл, меняющая форму при каждом движении.

— Это похоже на склад, — восхищённо сказала Настя. — Или на музей.

— Музей чего? — Рокотов уже заворожённо шагнул вперёд, забыв об осторожности. Его взгляд был прикован к ближайшей ячейке, где медленно вращался кристалл, светящийся изнутри алым светом.

— Назад, — приказал Ветров, но в его голосе не было уверенности – он тоже смотрел и не мог отвести взгляд.

Рокотов, проигнорировав приказ, подошёл к ячейке и почти коснулся рукой прозрачной стенки.

— Илья! — окликнул Ветров.

— Сканеры не показывают ничего опасного, — голос биолога звучал отрешённо, почти благоговейно. — Фоновая радиация, слабое электромагнитное поле... Это похоже на консервацию. Они словно спят.

— Кто — они? — спросила Настя, но ответа не последовало.

Свет переливался и завораживал. Никто не обратил внимания на одну ячейку чуть выше головы — она оставалась тёмной, но внезапно она будто почувствовала приближение живых и начала светиться. Слабо, едва заметно — зеленоватым, болезненным светом.

— Андрей... — голос Дубко дрогнул. — Она проснулась, как и соседние.

— Вижу, — отрезал Ветров. — Все медленно, без резких движений, отходим к проходу.

Но Рокотов не сдвинулся с места. Он смотрел на зелёную ячейку, и его глаза за стеклом шлема расширились.

— Она реагирует на нас, — прошептал он. — Вы заметили? Она нас чувствует.

В одной из ячеек, той, где был серый комок, начались изменения. Комок перестал хаотично клубиться. Он рос, поднимался внутри ячейки, прижимаясь к прозрачной стенке, вытягиваясь в том направлении, где стояли люди. По его поверхности пробежала волна — и тонкая мембрана ячейки лопнула, выпуская наружу струю густой, светящейся слизи.

— Оно нас видит! — выдохнула Настя. — Оно... тянется к нам!

— Назад! — рявкнул Ветров, хватая Рокотова за плечо и с силой разворачивая его. — Бегом! Всем к выходу, быстро!

Они побежали. Но прежде чем они достигли проёма, зал ожил.

Ячейки вспыхивали одна за другой, словно волна загоралась по всей стене. Красный, зелёный, синий, жёлтый — свет залил пространство, сделал его нереальным, похожим на цветной кошмар. Кристаллы завращались быстрее, субстанция, похожая на жидкий металл, забурлила, комки биомассы рванулись к стенкам.

Тонкие мембраны лопались, из них вытекали струи, потоки, капли — всё это стекало по сотам вниз, расплываясь по полу множеством светящихся сгустков. Между ними пробежали тонкие, едва заметные разряды, связывающие их в единую сеть.

В шлемофонах возник тонкий, на грани слышимости, звон, словно запело множество микроскопических камертонов.

Дубко споткнулся, упал на гладкий пол, и в этот момент зелёный поток, текущий по сотам прямо над ним, достиг края ячейки и сорвался вниз. Густая, светящаяся изнутри ядовито-зелёным субстанция упала прямо ему на ногу.

— Серёжа, вставай! — закричал Ветров.

Дубко пытался подняться, но не успел. Поток настиг его раньше, чем он успел опереться на руку. Зелёная масса коснулась ботинка и впилась, будто её и не было. Зелёное свечение просачивалось сквозь многослойную ткань скафандра — синтетику на углеводородной основе. Материал не рвался, не плавился — он просто не был преградой для субстанции.

— Я не... — голос Дубко сорвался. — Оно не снаружи. Оно внутри. Я чувствую его...

Техник замер. По каналу связи раздался только странный, булькающий вздох — а потом голос Дубко изменился:

— Оно... внутри... я чувствую... оно хочет стать мной...

— Серёжа, беги! — Ветров рванул было к нему, но Рокотов и Настя вцепились в него мёртвой хваткой.

— Нельзя, капитан! — кричал Рокотов. — Скафандр! Оно уже внутри скафандра!

Дубко выгнулся дугой. Его шлем ударился о пол, по стеклу изнутри побежали зелёные нити. Техник захрипел, его тело забило в конвульсиях.

— Назад! Все назад! — Ветров, наконец, пересилил себя и потащил группу к выходу. — Наверх! Быстро!

Проём тоннеля укрыл их — и крик Дубко оборвался. Звон в шлемофонах стих. Шахта вывела обратно к поверхности, под безразличное звёздное небо, где ждал спускаемый модуль.

В модуле они молча сняли шлемы. Настя неподвижно смотрела в иллюминатор на безразличные звёзды. Рокотов вытер лицо — оно было мокрым, хотя он не помнил, чтобы плакал. И первым нарушил молчание:

— Оно в него влезло.

Ветров долго смотрел на схему спутника на мониторе и на красную точку там, где остался Дубко. Потом устало сказал:

— Свяжитесь со штабом. Передайте: мы нашли нечто. Инкубатор. В секторе 78. Там... спят. И часть их проснулась.

Внизу, в зале, сотни ячеек, вспыхнувших в ответ на вторжение, медленно гасли. Лишь несколько десятков вдоль стены, ближайшей к месту падения Дубко, оставались тёмными — их мембраны лопнули, и содержимое вытекло наружу.

На полу, в разных местах, переливались сгустки биомассы — зелёные, серые, серебристые. Они расползались, собираясь в упругие комки, и снова растекались, выпуская тончайшие филаменты, которые тянулись друг к другу. Между ними пробегали едва заметные разряды. Они обменивались сигналами. Слишком быстро для глаз, слишком сложно для понимания.

Один из сгустков пульсировал рядом с телом в скафандре.

Соединиться с человеком не удалось — слишком грубо, слишком быстро. По его поверхности пробежала волна, и в ответ вспыхнули сразу несколько соседних.

По всему залу пробежала невидимая пси-волна. Согласие. Понимание. Готовность.

Следующий раз будет иначе.

Через час из штаба пришёл короткий приказ:

«Объекту присвоить кодовое наименование Инкубатор. Законсервировать. Выставить маяк-предупреждение. Доступ запрещён до особого распоряжения. Наблюдение вести дистанционно».

Гром задержался ещё на день, чтобы дистанционными манипуляторами забрать Сергея Дубко. Его поместили в криоконтейнер — тело продолжало жить, хотя сознание не подавало признаков — и отправили на ближайшую исследовательскую станцию для изучения.

Спутник остался хранить под своей поверхностью соты со спящими, живые сгустки на полу, которые всё ещё слабо переливались в унисон, и ячейку совсем рядом с поверхностью — она мерцала чуть ярче остальных. Будто ждала того дня, когда за ней придут.

Интерлюдия. Совет

Штаб-квартира Службы Космической Безопасности располагалась глубоко под поверхностью Луны — в месте, скрытом от любопытных глаз и средств массовой информации. Зал заседаний напоминал амфитеатр: ряды кресел поднимались вверх от голографического экрана, на котором сейчас висела трёхмерная модель спутника с отмеченной полостью.

Председатель Совета, адмирал флота Сергей Корнеев, сидел в первом ряду, барабанил пальцами по подлокотнику. Семьдесят три года, из них почти полвека на службе. Последние двадцать он провёл в креслах такого рода, но привычка не доверять первому впечатлению осталась с ним навсегда.

— Ещё раз. Коротко. Что мы имеем?

Генерал службы безопасности — коренастый, с квадратной челюстью — поднялся с места. На его груди, рядом с остальными наградами, тускло поблёскивал чёрный треугольник «За защиту граждан Земли».

— Инопланетный объект. Тысячи ячеек с биологическими образцами. В результате контакта один пострадавший. Находится в вегетативном состоянии. Тело живёт, сознания нет.

— Капитан Коршунова, вы там были, — адмирал перевёл взгляд на женщину, сидевшую в первом ряду. — Ваше мнение.

Она встала и, выпрямившись по-военному, чётко доложила:

— Показания разведгруппы совпадают с записями с их камер. Ячейки начали светиться в ответ на приближение людей и обмениваться сигналами — разряды между ними видны даже на видео. Моё мнение: они ждали, что кто-то придёт, а потом не просто реагировали, а обсуждали происходящее.

Генерал хмыкнул:

— Поэтому я предлагаю уничтожить объект. Ракетой — и забыть.

— Вы предлагаете взорвать единственный источник редкоземельных металлов в этом секторе? — подал голос аналитик. — Без них мы не запустим Ковчег-3. Нам нужны эти ресурсы. И нам нужно знать, что ещё прячется в их недрах.

— А если их больше? — поддержал разведчик с заднего ряда. — Мы засекали ещё три гравитационные аномалии в соседних секторах с теми же параметрами. Если вы сейчас разбудите один ударом, остальные могут проснуться сами.

Некоторое время все молчали, наконец адмирал посмотрел на аналитика:

— Что говорят ваши люди?

— Возраст — миллионы лет. Материал ячеек — неизвестный композит. Если это самоактивирующееся оружие, его создатели либо исчезли, либо...

— Либо наблюдают, — закончил адмирал. — А мы пытаемся понять: уничтожить или изучить.

— Изучить, — сказал кто-то с верхних рядов. — Пока мы не знаем, с чем имеем дело, уничтожение — это стрельба с закрытыми глазами.

Генерал скрипнул зубами:

— И оставить риск на тех, кто туда ползет?

— Вы предлагаете послать туда для изучения военных? — Адмирал поднял руку, останавливая спор. — У нас есть ксенобиологи, которые работают с экстремальными формами жизни. Я предлагаю создать закрытую лабораторию на орбите, чтобы изучить, понять и найти способы защиты.

Он остановился взглядом на аналитике.

— Кто подойдёт для этого?

— Есть идеальная кандидатура. Аркадий Петров. Доктор наук. Максимальный допуск. Уже проявил инициативу – запрашивал доступ к образцам.

— Петров? — генерал скривился. — Тот, который потерял группу на Титане?

— И который после этого сделал три прорывных открытия. — Аналитик пожал плечами. — Выбирать не из кого, остальные или не имеют допуска, или выдают намного более скромные результаты.

Адмирал кивнул.

— Хорошо, пусть будет Петров. — Он повернулся к Коршуновой. — Капитан, вы возглавите службу безопасности проекта. Чтобы всё было под контролем. Под вашим контролем. Вы поняли?

Она кивнула и почему-то вспомнила события восьмилетней давности. Тогда она была лейтенантом, у неё был напарник, опытный оперативник, с которым они уже прошли три операции, а последней попали в засаду на заброшенной станции.

Напарник оказался серьёзно ранен. По уставу надо было закрепиться и ждать эвакуацию, но она была уверена, что если ждать, он не дотянет. Она нарушила правила: потащила его к шлюзу под огнём, и почти успела, но он умер у неё на руках. Трибунал её оправдал, но её до сих пор мучила мысль: если бы она действовала по уставу, то он бы выжил?

— Есть, — сказала она, встав по стойке смирно. Она хотела было что-то сказать, но остановила себя.

— И ещё. — Адмирал понизил голос. — Тот техник — Дубко. Он на станции. Перевезёте на Калибр-1. Всё, что связано с Инкубатором, должно быть в одном месте.

Когда зал начал пустеть, адмирал окликнул её:

— Капитан. Вы что-то хотели добавить?

Она обернулась.

— Я хочу, чтобы вы зафиксировали. В Инкубаторе мне показалось: они тоже нас изучают. И если мы начнём эксперименты, мы для них станем предсказуемы.

Адмирал долго смотрел на неё.

— Тогда ваша задача, капитан, — сделать нас непредсказуемыми.

Она кивнула и вышла.

Через час после окончания заседания Петров уже знал его итоги, по официальным и по неофициальным каналам. Он стоял у смотрового окна и с нетерпением потирал руки, потом замер, крупная дрожь прошла по всему его телу, и он сказал вслух:

— Что ж, отличненько, значит, капитан Коршунова...

Прошло несколько месяцев. На платформе Калибр-1 полным ходом шла подготовка к масштабному проекту изучения инопланетных образцов. И вот, наконец, из Инкубатора скоро должны были доставить первую партию образцов — те самые сгустки и целые ячейки с кристаллами и тускло мерцающей слизью. Научная группа во главе с Аркадием Петровым приступала к работе.

Глава 1. Калибр-1

Ибрагим Хаким не думал, что его первый настоящий рабочий день случится так скоро. Ещё месяц назад он заканчивал интернатуру по ксенобиологии в престижной клинике в Лунесити, писал отчёты, от которых сводило скулы, а по вечерам читал статьи Петрова — всё, что удавалось найти в открытом доступе, — и представлял, как однажды напишет такую же.

А потом по личной связи он получил зашифрованное письмо из СКБ. Это письмо мог открыть только он, используя биометрические данные. В письме была всего пара строк: «Ваш опыт в диагностике аномальных нейронных связей нас заинтересовал. Приглашаем на работу на должность помощника А. П. Петрова. Вся информация после подписания договора», а ниже такая сумма, что Хаким был готов подписать договор вслепую. Хотя имя того, чьим помощником он будет, привлекало его ещё больше.

Через неделю он уже летел на Калибр-1 на край обитаемого космоса. Станция висела на орбите мёртвого спутника — того самого, где нашли первый Инкубатор. Связь только по защищённым каналам, доставка раз в полгода. Калибр-1 числился в реестрах как заброшенная метеостанция. Даже ближайшие колонии знать не знали, что творится на орбите мёртвого спутника.

Поначалу он удивлялся: диплом у него был про изменения нейронной активности у пилотов, при чём тут СКБ? Но уже на подлёте, пролистывая файлы для первичного ознакомления, начал понимать. Несколько месяцев назад геологоразведка наткнулась на странный объект в системе газового гиганта. Инкубатор. Один из членов той экспедиции, техник Сергей Дубко, погиб — или почти погиб: его тело, лишённое сознания, продолжало жить. Теперь Хакиму предстояло работать с тем, что удалось достать из Инкубатора.

Первый день ушёл на обустройство. Лаборатория была оснащена по последнему слову — о такой аппаратуре он знал только в теории. Всё на станции было чужим для него и новым: зоны отдыха в зелени, мягкие кресла, комнаты тишины — для космической станции немыслимая роскошь.

В столовой Хаким услышал обрывок разговора: «...Дубко этот, он же за месяц до рейса с прошлым начальством сцепился, еле перевёлся...»

В первый день с Аркадием Петровичем пересечься так и не удалось. Зато второй оправдал все ожидания.

Хакима вызвали в главную операторскую. Когда он вошёл, на главном экране уже полз дрон — по тоннелю, в недра спутника. Свет фар выхватывал из темноты грубые стены. Слева сидел Аркадий Петрович Петров. Седые нити в волосах, суетливые движения — Хаким подумал, что Петров старше, чем показалось сначала. Но жадность, с которой тот впился в экран, и оживление разом сбрасывали ему десяток лет.

— Дрон вошёл в зал, — доложил оператор справа.

Хаким выдохнул и забыл вдохнуть: гигантский зал, идеальная полусфера, множество прозрачных шестиугольных ячеек, плотно прижатых друг к другу. В одних медленно вращались кристаллы, пульсирующие алым светом; в других клубился туман, пронизанный голубыми искрами; в третьих перекачивались тяжёлые капли, похожие на ртуть.

Он видел всё это на экране, но понимал, что не может осознать масштаб.

— Оно... красивое, — прошептал Хаким.

— Вы понимаете, Ибрагим? — Петров даже не смотрел на него.

Хаким сглотнул — Аркадий Петрович знал его по имени.

— Это похоже на систему, где каждая ячейка — отдельный организм, но вместе они образуют единое целое, — продолжил Петров. — Соты как способ общения. Способ существования.

— И способ убивать, — раздалось от двери.

В операторскую вошла женщина в форме и остановилась за спиной Петрова. Хаким покоился на неё: коротко стриженные тёмные волосы, жёсткий взгляд, никакой косметики — капитан Анна Коршунова. Хаким знал её по документам: начальник службы безопасности, она была в первой экспедиции, той самой, где был Дубко. Его привезла тоже она. Подробностей никто не знал — или не рассказывал. Дубко, живой и мёртвый одновременно, лежал сейчас в медицинском изоляторе Калибра-1 — тело дышало, сердце билось, но сознания не было. А сегодня должны были доставить образцы того, что осталось в зале после трагедии, и что сейчас собирал дрон.

Камера дрона показала участок стены, где несколько десятков ячеек были тёмными и пустыми — их мембраны лопнули, содержимое вытекло наружу. На полу расползлись сгустки биомассы. Между ними пробегали тонкие, как паутинки, разряды.

— Похоже, они общаются, — выдохнул Петров. — Даже после того, как покинули ячейки. Они всё ещё связаны. Это же...

— Это угроза, — перебила Коршунова. — Оператор, забор образцов.

И тихо добавила:

— Мы тогда потеряли человека.

Хаким перевёл взгляд на неё и заметил складку у губ и сведённые брови.

— Он был жив, когда мы его забирали, — продолжила она сухо и напряжённо. — Сердце билось, лёгкие дышали, но сознания не было. На энцефалограмме — ровная линия. Сейчас он в криоотсеке станции. Ждёт... решения.

Дрон опустился ниже, выдвинул манипуляторы и начал аккуратно засасывать в контейнеры образцы. Хаким смотрел, как живая масса отделяется от пола и исчезает в недрах механизма. Ему казалось, что образцы сопротивляются — не физически, просто... не хотят уходить. Разряды между ними участились, стали хаотичнее.

Когда первая порция биомассы скрылась в контейнере, по ближайшим ячейкам пробежала слабая волна света. Несколько из них на мгновение вспыхнули — алым, синим, зеленоватым — и тут же погасли.

— Вы это видели? — спросил Хаким.

— Помехи от манипуляторов, — бросил оператор, не оборачиваясь. — Или блики.

Петров промолчал, но на долю секунды его взгляд метнулся к Хакиму — и в нём мелькнуло что-то, похожее на удовлетворение.

— Они пытаются что-то сказать, — неожиданно для себя сказал Хаким.

— Вы тоже это почувствовали, Ибрагим? — спросил Петров с интересом.

Хаким замаялся.

— Не знаю, как это объяснить, — честно ответил он. — Но мне кажется, они понимают, что с ними происходит. И общаются друг с другом.

Петров одобрительно кивнул, продолжая смотреть на экран.

Следующие полчаса дрон методично собирал образцы и запечатывал в контейнеры, чтобы отправить наверх. Когда забор образцов закончился, Петров энергично хлопнул Хакима по плечу и сказал:

— Готовьте лабораторию, Ибрагим. У нас будет много работы.

Петров вышел, и в операторской сразу же стало спокойно и как-то пусто. Коршунова задержалась и обернулась к Хакиму:

— Он не думает о цене. А вы?

Он сглотнул, не зная, что ответить. Коршунова смерила его взглядом и вышла.

Хаким долго ещё оставался один в полутьме операторской. Перед глазами всё ещё стояли очертания сот, а в мыслях — человек, чьё тело лежало где-то в криоотсеке, и сгустки, которые переливались в такт друг другу, будто о чём-то договариваясь.

Хаким успел не один раз проверить готовность лаборатории и перечитать протоколы первичного карантина. Через три часа он поймал себя на том, что строчки инструкций начинают расплываться, а он сам будто увяз в киселе. До начала настоящей работы оставалось чуть больше трёх часов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.